

Сегодня исполняется 60 лет со дня рождения В. В. Маяковского

Радуюсь я—это мой труд вливается в труд моей республики

Сердце с правдой вдвоем

Радостно отмечать годовщину прихода в мир, в жизнь Владимира Маяковского. Такие, как он, имеют только одну, начальную дату — дату рождения. «Сколько лет прожил твой стих?» — спросили однажды поэта его недоброжелатели. И он ответил: «Октябрьская революция будет жить вечно, а я — ее поэт».

И Маяковский живет — среди нас, в нас, живет и строит коммунизм, сражается за мир своим пламенным словом «агитатора, горлана, главаря». Сегодня ему 60 лет, а он не устарел и не устареет: в мускулах его звонких, дугоподъемных стихов — наливная сила, неутомимая молодость нашего богатейшего народа.

Поэзия Маяковского ополчилась. Жгучими, взволнованными и волнующими словами поэт сумел выразить смысл и пафос нашего времени. Смог вложить в свои стихи все «громоздкое» и все разнообразие чувствований советских людей, раскрыть главное в нас:

«Главное в нас,
и это
ничем не заслонится,
главное в нас,
это — наша Страна Советов,
советская воля,
советские знамя,
советское солнце».

Сколько чеканных поэтических выхождений-формул естественно вошло в нашу речь, стало языком нашей публицистики, сколько ярких строк закрепились шапками на газетных страницах — и все от Владимира Владимировича.

В книгах его попадаются иногда неумелые места, но никогда не встречаются произведения фальшивые, бездумные или по-рыбному бесстрастные. На все значительные события времени он откликался всем своим горячим сердцем, жил в полную меру щедрой, человеческой, светлой душой. Всю свою «звонкую силу поэта» отдал Маяковский трудовому народу, высшей радостью считая единение и слияние с ним. Поэтому нет в его стихах переборки между «личным» и «общим» и насыщены они величественным содержанием борьбы советских людей за социализм, за коммунизм.

Жизнь и творчество певца «атакующего класса» — пример реального вмешательства в течение дел на земле. Маяковский не совершал жизни со стороны — заучив ругав, он замешивал тесто грядущих дней, творил жизнь. Стихи его слышны тенденциозно, целеустремленно, подчинены великой задаче — воспитанию прекрасного коммунистического человека, очищенного от одной жажды, чуждой гуманизму, безжалостности, в каждом произведении — блещет ядро: смелая мысль, горячее чувство, действительный голос сердца, а не литературные иллюстрации к талмудическим выверженным цитатам, не рифмованная система фраз. Иллюстративность, фразеологизм всегда были глубоко чужды поэту. Ведь потому и обзавелся такой воспитательной силой его произведения, что убеждает Маяковский бравая лишь тогда, когда сам был до конца убежден.

Возьмите любую его книжку — сколько в ней авторской смелости, воодушевления, устремленности вперед, по трудному пути — коротко говоря, сколько в любой книжке Маяковского настоящей человеческой и поэтической самостоятельности. И до чего же неутомим он в поисках единственного, неповторимого выражения понятий им правды действительности, в поисках обязательной новизны. Постоянное накопление заготовок, постоянное поддержание творческого горения — и как результат 8—10 стихов в день, по таким стихам, лучшие из которых, несомненно, будут «приводить в движение» тысячи лет миллионов сердца.

Труд поэты героический, жизнь — каждодневный подвиг! Маяковский типичен для нашей эпохи — эпохи небывалых дерзаний и свершений, типичен не в среднестатистическом, а в подлинном смысле этого слова: грядущие поколения найдут в его творчестве ярчайшее выражение самых существенных черт души строителя коммунизма, выскочки накали их переживаний и дел.

Где уж тут до гладкополи, до минимальных карт! Ничто, может быть, не было так неприменимо для поэта, как розовый, фальшивый сироп бесконфликтности: Маяковский живописует действительность такой, какова она есть, провидя и то, какой она будет. Как слав и честь родной страны, воспевавший он героев труда — простых людей, стоявших и укралашных свое отечество, твердой поступью идущих к намеченной партии цели.

И он же обличивает всю огневую мощь своей ненависти на «пелую ленту тире» — осколки буржуазного прошлого. Их еще немало, бороться с ними не легко — сны их всех, конечно, скрутим, но всех скрутить ужасно трудно, и гвария советской поэзии отнюдь не склонна была оставлять их в тени, а выволакивала на свет да на солнышко.

Зоркий взгляд Маяковского проникает в протухавшие дуплоны пережитков, «кандидатов из партии», никакая броня знаний и чинов не спасает опешивших от его грозного смеха. И в отряпанных всего гнилого, отжившего, и в страстном утверждении молодого, растущего, побеждающего — зримых восток коммунизма — Маяковский докоп до локтя стоит с основоположником социалистической литературы великим Горьким. Они рядом на книжной полке и в бесшумности.

Вот в литературоведении такое слово — «перекличка». Но, пожалуй, если говорить так о творчестве Маяковского в отношении к современности, термин этот поговоре кажется неточным — настолько сегодняшний по духу, по проблематике, по неукротимости в своей поэзии Маяковский. Вернее просто сказать: «Клич Маяковского» — клич живого живым.

Товарищ, схватите, оторвите руку, вынимающую револьвер из кобуры!

Миру — мир, война — войне!

— да разве не сказано это о нашей сегодняшней борьбе против поджигателей военного пожара?

А священную любовь нашу к Родине, благополучию, покое, за нее и доблестную жажду в еще более прекрасное будущее не выражаем ли мы словами поэта: Читайте, завидуйте, я — гражданин Советского Союза.

Передвигаем знакомые страницы — и мы снова ошутим непоколебимую уверенность Маяковского в могуществе творческих сил масс, частицей которых осознавал себя поэт, повторим его гимн авангарду творящихся — Коммунистической партии:

Моя класска, дело класска, сила класска, слава класска — вот что такое партия.

И так во всем: идут годы, а он впереди — маяк, освещающий пути в великом плаваньи.

Б. КОМАНОВСКИЙ.

В. В. МАЯКОВСКИЙ

Секрет молодости

Нет, не те «молодежь», кто, забившись в лужайку да в лодку, под визг и галдеж прополаскивает водкой лютку.

Нет, не те «молодежь», кто весной ночами хорошицами, раскрывавшими модой одеж, подметают бульвары клешами.

Нет, не те «молодежь», кто восходя жизни зарево, услышав в крови аутеж, на романы разбазаривает.

Разве это молодость? Нет!

Мало быть восемнадцатилет.

Молодые — это те,

кто бойцовыми рядами передельми

скажет именем всех детей:

«Мы земную жизнь передаем!»

Молодежь — это имя — дар

тем, кто влит в боевой КИМ,

тем, кто бьет, чтоб дни труда

были радостны и легки!

Маяковский о поэзии

(Из высказываний поэта)

«Говорят, что поэт Маяковский, видите ли, поэт, так пусть сидит он на своей поэтической лавочке... Мне наплевать на то, что я поэт. Я не поэт, а прежде всего поставивший свое дело в услужение, замечайте, в услужение, сегодняшнему часу, настоящей действительности и провидению ее — советскому правительству и партии».

«Поэзия начинается там, где есть тенденция».

«Стихотворение должно иметь в себе полный политический идейный заряд».

«Поэзия — одно из труднейших производств».

«Сегодняшняя поэзия — поэзия борьбы. Каждое слово должно быть, как в воле солдат».

«Я твердо верю в творческие силы рабочего класса и прихожу к нему за помощью, чтобы этот неутомимый памятник сделать рукотворным. Я всякие замечания принимаю к сведению и стараюсь ими воспользоваться».

«Нам слово нужно для жизни. Мы не признаем бесполезного искусства».

«Настоящая поэзия всегда, хоть на час, а должна опередить жизнь».

«...Я требую от этого собрания и всей коммунистической массы активной поддержки тех, кто борется за настоящую поэзию, за становление сегодняшнего писателя активным участником социалистического строительства».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

«Слушайте, вы, в голосе Маяковского задули очень терпеливо и ласково убожество нотки, уходя вниз, на самые басы... Поинте-же-х... гимназистам всегда нравились поэты, которые были поэтами».

Павло ТЫЧИНА

ГОЛОС ТРИБУНА

Чем значительнее, чем глубже художник, тем сильнее у него желание говорить с народом откровенно. Эта откровенность, как правило, обнаруживается в форме дневника или же «исповеди». Причем в эпохи, которые kloчуют народными востаньями, в эпохи нарастающих революций, — традиционная спойная форма «исповеди» сменяется формой варьированной, дерзкой антитрадиционной, а то и вовсе она дробится, осколками разлетается вокруг во всех своих — до малейшего! — произведениях. Форму варьированную и в некотором роде зашифрованную форму «исповеди» мы встречаем у Александра Радичева, который острым лезвием своего правдивого слова полонил по царям и дворянам еще в конце восемнадцатого века. В своем «Путешествии из Петербурга в Москву», а также в оде «Вольность» он, говоря о народе, в то же самое время говорил и о себе, как о произведении «благословенного дня» свободы.

Дерзкой формой